
С. А. Леднево́й

Смотрит девочка медведю в глаза,
А в глазах его стоит пустота.
Что-то хочет, но не может сказать,
Ждущий пряника под тенью кнута.

Вот опять на нём наряд шутовской.
Странный танец выдаёт на ура,
Ведь с пелёнок помнит гвозди с доской,
Что неволят начинать от бедра.

Но кому нужны медвежьи глаза,
На арене все при деле давно,
И хохочет неуёмно весь зал,
Только девочке одной не смешно.

Дону

Тихая река моя, тихая,
Где же тишина твоя мудрая,
Может, ненароком течение
В море унесло её попросту?

Или на бумаге заждавшейся
Росчерком пера неуёмного
Стала в одночасье смиренной
Ты, моя река своенравная?

Полно, не пытайся сомненьями,
Слов моих не слушай причудливых,
Ты ведь всё равно навсегда уже
Тихою для всех и останешься.

Шелестит дубрава под водою,
Пробуждая пасмурное дно,
Но уже зарёю молодою
Просиять листве не суждено.

Только ветви тянутся, как прежде,
Всё наверх от тины и камней,
Словно свет, исполнены надежды,
Словно жизнь, исполнены корней.

*«Жираф большой –
ему видней!»*

В. Высоцкий.

Зачем своею думать головой,
Когда рассудок ясный красен штрафом,
Доверь процесс мыслительный жирафу
И радуйся, что ты ещё живой.

Чтоб просто спрятать голову в песок,
Ты встать сначала должен на колени,
Иначе будут тщетными стремленья,
Хоть ростом не велик ты, хоть высок.

Я против маскарадного костюма,
Не даст начало танцу мой кивок,
Но только в пекле кухонного шума
Свободен я от страха и тревог.

Увы, свет вольнодумия потухнет
На улице, исполненной преград.
Ах если бы когда-нибудь на кухне
Прошёл весь, этот чёртов маскарад!

Липкая грязь дополнительной станет бронёю,
Знает секач в этом деле спасительном толк,
Даже пытаясь насытиться плотью свиною,
Ценность земли познаёт озадаченный волк.

Людам же грязь не нужна на зубах
и на теле,
Проку в земле в такой, как и базарном
гроше,
Лишь бы три горстки её бросить в яму
успели
В нужное время к заляпанной грязию душе.

Тихая озябшая река.
Пасмурно в степи донской и сыро.
Дымка всё лежит ещё пока
С вечера на мутной глади Чира.
Холодно. В округе – ни души.
Вязок сон в степи мой осенней.
Ёжится задумчивая ширь,
Смирно ожидая росной звени.
Я полынной волей напоён,
Только разумею почему-то,
Здесь моя душа и нет её,
Хоть и рядом где-то отчий хутор.

В моей душе давно живет змея,
Мой бог – факир, гневить его не надо,
И день за днем пляшу под дудку я,
Пляшу на совесть, честно, до упаду.

И хоть убей, понять я не могу,
Когда галдят: «Зачем тебе всё это?»
Довольно слов! Бросай уже деньгу!
Сердечен бог, пока звенят монеты.

Не пиши о берёзе, поэт,
Не марай понапрасну листы.
Утомила она, спасу нет,
А теперь утомляешь и ты.

Вся затёрта до дырок она,
Кто ведь раньше её не носил,
Словно только рванина одна
Нынче впору стихам на Руси.

Да, не всё что по сердцу – новьё,
И другой у тебя просто нет,
Но носи бережливо её,
Если сможешь, конечно, поэт.

